

Цзи Сунлинь попал в больницу.

Получив такое известие, Цзянь Янь почувствовала крайнюю сложность на душе. Ей не следовало бы идти туда. Раз уж она развелась с Цзи Юньсинь, ей нужно было полностью оборвать все связи с семьей Цзи, и чужие жизни — будь то жизнь или смерть членов этой семьи — больше не должны иметь к ней никакого отношения. Но она не могла переступить через себя. Когда-то давно, после внезапной гибели ее родителей, именно Цзи Сунлинь забрал ее из родного города, оплатил учебу, обеспечил ей достойную жизнь и беззаботную обстановку. Рядом с Цзи Сунлинь она получала точно такое же отношение, как и сама Цзи Юньсинь, а узнав о ее чувствах к Цзи Юньсинь, он даже позволил им пожениться. После свадьбы он заботился о ней еще больше и лично составил соглашение о разводе, чтобы защитить ее интересы. Если в семье Цзи кто-то и относился к ней всей душой и искренне, так это определенно Цзи Сунлинь. Теперь же, когда он оказался в больнице, Цзянь Янь должна была навестить его, чего бы это ни стоило.

— Серьезно идешь? А не боишься, что тот старик заставит вас снова зарегистрировать брак? — Гу Цай держала в руках бокал и прихлебывала вино. — Послушай меня, ты с таким трудом решилась на развод, смотри опять не попадись на их удочку.

Цзянь Янь скосила на нее взгляд:

— Я ни за что не стану снова выходить замуж.

Даже если бы она сама согласилась, Цзи Юньсинь была бы против. Человек, который с таким трудом дождался, пока она лично произнесет слово развод, разве согласился бы на воссоединение?

Когда они только поженились, Цзи Юньсинь противилась этому всеми силами, а теперь ведь и Ли Вэйцин вернулась на родину — они, пожалуй, сейчас вовсе наслаждаются обществом друг друга. Возобновление брака? Просто смешно.

Видя ее настрой, Гу Цай похлопала ее по плечу:

— Не сочти меня жестокой, но ты сама лучше всех знаешь, как провела эти несколько лет. Старейшина Цзи к тебе хорошо относился, но ведь жить-то тебе не со стариком, так что...

— Хватит, — прервала ее Цзянь Янь. — Чем дальше, тем безумнее фантазии. Цзи Юньсинь никогда со мной не сойдется.

Гу Цай опешила и пару секунд молчала:

— Почему это?

Цзянь Янь тем временем до конца застегнула пальто и подхватила сумочку, бросив на ходу:

— Ли Вэйцин вернулась в страну, ты разве не знаешь?

Гу Цай приоткрыла рот — она действительно ничего об этом не слышала. Воспользовавшись тем, что Цзянь Янь ушла, она быстро залезла в телефон и отыскивала недавние сплетни из мира шоу-бизнеса. Заголовок кричал во всю мочь: #Ли Вэйцин вернулась на родину сразу после завоевания Маленькой золотой статуэтки#, #Ли Вэйцин прилетела в Китай#.

Раздел под статьей захватили фанаты: признания сыпались наперебой, все бурно и восторженно приветствовали возвращение Ли Вэйцин. Куда бы Гу Цай ни ткнула, везде пестрели комментарии: А-а-а-а-а, моя девочка вернулась на родину! Я наконец-то дождалась этого дня! Три года! Целых три года! Клянусь небесами, я все это время загибала пальцы в ожидании возвращения Цинцин! Поздравляю нашу Цинцин с завоеванием Маленькой золотой статуэтки, возвращайся на родину с триумфом, ждем еще больших успехов на отечественной сцене! Вперед, Цинцин! Безумно люблю тебя! Если ты вернешься, то непременно будешь коронована! Моя девочка прекрасна во всех отношениях, просто ни единого изъяна под любым углом!

Пробежавшись глазами по комментариям, Гу Цай добралась до самой нижней новости, где красовалось фото из аэропорта. На снимке Ли Вэйцин была окружена телохранителями, а рядом стояла женщина в плаще, в темных очках, с опущенной головой и длинными волосами, собранными за ушами. Гу Цай с первого же взгляда узнала в ней Цзи Юньсинь.

Теперь ей стало до конца понятно, что именно имела в виду Цзянь Янь, когда говорила, что внезапно все поняла.

Да чтоб эта Цзи Юньсинь провалилась! Заводить любовницу и вести себя при этом столь нагло и открыто!

Сердце Гу Цай сжалось от жгучей жалости, и она тут же строчила сообщение Цзянь Янь: Дорогая, тебе больно? Если тяжело на душе — иди поплачься мне в жилетку! У меня грудь большая, ложбина глубокая!

Получив это послание прямо в салоне такси, Цзянь Янь скривила губы в усмешке и отправила в ответ три вопросительных знака: ???

Гу Цай незамедлительно парировала: Цзи Юньсинь просто тварь! Окрутить любовницу и выставять это напоказ!

В ответ полетела цепочка многоточий, а следом пришла новая реплика: Она не заводила любовницу.

По крайней мере, в браке у нее никого не было. Цзянь Янь знала Цзи Юньсинь: та была упрямой, со своими твердыми принципами, и на измену во время брака решиться просто не могла. Впрочем, завела ли она кого-то после развода, этого Цзянь Янь знать не могла. Вспомнив, с какой нежностью Ли Вэйцин вела себя во время обеда, Цзянь Янь немного подумала и добавила: Впрочем, в одном ты права, Цзи Юньсинь — та еще сволочь!

Пока они вдвое увлеченно переписывались, водитель объявил:

— Барышня, больница приехали.

Цзянь Янь подняла голову, расплатилась через приложение и вышла из машины. Стоя у входа в больничную территорию, она глубоко вздохнула, помялась несколько минут, после чего набрала номер Цзи Хай.

— Сяо Хань, вы где? — Цзянь Янь шагнула внутрь в своих туфлях на высоком каблучке. В больнице толпилось много народу, поэтому она надела медицинскую маску и чуть выше натянула воротник плаща. К счастью, уже наступила зима, так что закутавшись потеплее, она не привлекала к себе лишнего внимания.

Цзи Хай всхлипывала в трубку:

— В отделении неотложной помощи, прямо сейчас борются за его жизнь.

Услышав это, Цзянь Янь почувствовала, как сердце ухватило ледяным холодом. Она догадывалась, что попадание Цзи Сунлиня в больницу не сулит ничего хорошего, но никак не ожидала, что дело дойдет до операции. Раньше, пытаясь примирить ее с Цзи Юньсинь, Цзи Сунлинь с завидной регулярностью то и дело притворялся больным, заставляя их навещать его вместе. Однако каждый раз, стоило им выйти из больницы, их пути расходились: Цзи Юньсинь уезжала в офис, а она — в собственную квартиру, и они еще ни разу не возвращались домой вдвоем. Позже, поняв, что дедушка просто любит симулировать болезни, Цзи Юньсинь и вовсе перестала ездить к нему, и тогда Цзянь Янь каждый раз добиралась на такси в одиночку, а на обратном пути оставалась брошенной всеми одиночкой. Вспоминая то время, Цзянь Янь была готова открутить себе голову и пинать ее вместо мяча — ради человека, который ее не любил, она растеряла и собственное достоинство, и всё остальное.

Проклятия Гу Цай были абсолютно справедливы: стоило ли вообще так убиваться из-за какой-то Цзи Юньсинь?

Горько вздохнув про себя, Цзянь Янь вошла в зону экстренной помощи и сразу заметила нескольких телохранителей, дежуривших у входа. Все эти люди подчинялись лично Цзи Сунлиню и прекрасно знали ее в лицо. Заметив гостью, они почтительно поклонились и пропустили внутрь. Не успела Цзянь Янь дойти до вывески отделения, как до ее слуха донесся заунывный голос Цзи Хай, в котором отчетливо слышались слезы:

— Невестка.

Невестка.

В нынешней обстановке Цзянь Янь было уже не до того, чтобы поправлять Цзи Хай, и она поспешно бросилась с расспросами:

— Что случилось?

Цзи Хай прикусила губу и перевела взгляд на другую женщину. Проследив за ее глазами, Цзянь Янь увидела Цзи Юньсинь: та стояла у дверей операционной, заложив руки за спину. Виден был лишь ее точеный силуэт — узкие плечи, тонкая талия. Она держала спину невероятно прямо, и хотя ростом они были практически одинаковы, Цзи Юньсинь неизменно создавала иллюзию, будто возвышается над ней на целую голову. От нее исходил тот самый властный взгляд свысока, с которым смотрят на всех вокруг презрительным взором.

Цзянь Янь тихо спросила:

— Дедушка узнал о нашем разводе?

Цзи Хай опустила голову, слезинка сорвалась с ее ресниц и звонко разбилась о мраморный пол, разлетевшись брызгами.

— Узнал, — прошептала она. — Это моя вина, не следовало ему говорить. Если бы я промолчала, дедушка ни о чем бы не догадался, и сестру бы не стали отчитывать, и до больницы с сердечным приступом дело бы не дошло.

Настроение у нее было подавленным, голос звучал глухо. Цзянь Янь утешающе похлопала ее по плечу:

— Ничего страшного, я уверена, с дедушкой все будет хорошо. Да и наш с твоей сестрой развод всё равно не удалось бы долго скрывать, так что лучше уж он узнал пораньше.

Цзи Хай подняла заплаканное лицо:

— Дедушка правда поправится?

Уголки глаз самой Цзянь Янь тоже покраснели от подступившей влаги, а родинка на щеке от малейшего румянца делала ее лицо еще более жалостливым. Повернув голову, Цзи Юньсинь застала именно эту картину: в ее памяти тут же всплыло, как в ту памятную ночь под ней Цзянь Янь выглядела точно так же — с покрасневшими уголками глаз, таящей в родинке чувственной прелестью, невольно вызывающей желание приласкать. И даже когда боль

достигала предела, она все равно до крови кусала губы, не издавая ни звука, и смотрела на нее своими влажными от слез глазами. Сердце Цзи Юньсинь немного оттаяло, она шагнула пару раз в сторону Цзи Хай, но не успела подойти близко, как услышала всхлипывания двоюродной сестры. Нахмурившись, она произнесла:

— Хватит реветь, врач только что сказал, что угрозы жизни нет.

— Доктор уже вышел? — Цзи Хай как раз бегала к лифту встречать Цзянь Янь и ничего не видела. — Что он сказал?

Цзи Юньсинь бросила взгляд на Цзянь Янь и ответила:

— Врач сказал, что ему нельзя больше волноваться, нужен хороший уход и покой.

Цзи Хай облегченно приложила руку к груди:

— Слава богу, обошлось.

Не успел ее голос затихнуть, как двери операционной распахнулись, и на каталке оттуда вывезли погруженного в сон Цзи Сунлиня. Цзи Юньсинь и Цзи Хай тут же кинулись с двух сторон, и Цзи Хай не удержалась от возгласа:

— Дедушка!

В этот момент из операционной вышел облаченный в белый халат врач и обратился к старшей из сестер:

— Генеральный директор Цзи, пройдемте со мной.

Цзи Юньсинь бросила на ходу Цзи Хай:

— Сначала отвезите дедушку в палату, я скоро подойду.

Цзи Хай торопливо кивнула:

— Хорошо.

Цзи Юньсинь последовала за врачом в его кабинет, а Цзянь Янь заняла ее прежнее место и помогла медсестре докатить каталку с Цзи Сунлинем до палаты.

В блоке люксовых палат все оборудование было новейшим. Поскольку у семьи Цзи имелся крупный пакет акций этой больницы, здесь для них выделили целый отдельный этаж повышенной комфортности. Цзянь Янь бывала здесь не впервые — в конце концов, старик устраивал свои представления с мнимыми болезнями по два-три раза в месяц, вот только еще ни разу дело не доходило до столь серьезного вмешательства и необходимости оперировать.

Устроив Цзи Сунлиня на кровати, медсестры перебросились парами слов с Цзи Хай и Цзянь Янь, перечислили необходимые меры предосторожности и удалились. Цзи Хай стояла у изголовья, и стоило ей только собраться присесть, как зазвонил телефон. Глянув на экран, она произнесла:

— Это мама, я отойду ответить на звонок.

Цзянь Янь кивнула:

— Конечно.

Дверь палаты тихо затворилась. Оставшись у больничной койки, Цзянь Янь посмотрела на Цзи Сунлиня: лицо у него было бледным, выглядел он неважно. Все-таки годы брали свое — лоб покрывало множество глубоких морщин, похожих на борозды. Цзянь Янь вспомнила те дни, когда она только попала в семью Цзи: она плохо ела и вечно страдала от кошмаров, и тогда Цзи Сунлинь по ночам засиживался с ней, рассказывая сказки. Хотя ей тогда уже почти исполнилось восемнадцать, он все равно нянчился с ней, как с маленьким ребенком. Позже, когда его собственное здоровье начало сдавать, он переложил эту обязанность на Цзи Юньсинь. При одной только мысли о том, как Цзи Юньсинь с совершенно бесстрастным лицом и ледяным голосом пересказывала ей детские сказки, Цзянь Янь почему-то тянуло улыбнуться.

Тогда было по-настоящему хорошо. Настолько хорошо, что у нее рождалась глупая иллюзия, будто так можно прожить с Цзи Юньсинь всю жизнь.

Дверь палаты отворилась. Подумав, что это вернувшаяся после телефонного разговора Цзи Хай, Цзянь Янь обернулась и увидела в проеме Цзи Юньсинь. Вопреки привычке, за ней больше не тянулись вереницей секретари и телохранители — сейчас она стояла в дверях совершенно одна, предоставленная сама себе.

Цзянь Янь отвела взгляд, опуская ресницы:

— Поговорила с врачом?

Цзи Юньсинь прошла внутрь и остановилась напротив:

— Поговорила. Внезапный всплеск эмоций на фоне слабого здоровья, нужен отдых.

Глядя на чуть бледноватое лицо Цзи Сунлиня, Цзянь Янь искоса спросила:

— Это из-за нашего развода?

— Мм.

Низкий голос раздался совсем близко. Заложив руки за спину, Цзи Юньсинь продолжила:

— Цзянь Янь.

Ты больше не принадлежишь к семье Цзи, и я надеюсь, что ты перестачишь вмешиваться в дела нашего рода. Тех, кого нужно поставить в известность, я оповещу лично, и мне бы не хотелось, чтобы ты занималась излишней самостоятельностью и создавала лишние проблемы окружающим.

Она на секунду умолкла и добавила:

— Ты же понимаешь, к чему я веду.

Слушая ее слова, Цзянь Янь побелела сильнее, чем лежавший на койке Цзи Сунлинь. Скосив глаза на волевой, с легким налетом суровости профиль Цзи Юньсинь, она отметила про себя, что если рассматривать каждую черту ее лица по отдельности, в них не было ничего жесткого, но собранные воедино, они образовывали нечто похожее на острейшее лезвие. Особенно ее губы, произносившие столь холодные, безжалостные слова. Сердце Цзянь Янь болезненно кольнуло, она сделала два глубоких вдоха, так что на шее отчетливо выступили жилы, и, сильнее сжав ремешок сумочки, выдавила из себя:

— Не беспокойтесь, генеральный директор Цзи, я не настолько бестактна.

Держась с достоинством и глядя прямо в глаза Цзи Юньсинь, она поймала в них мимолетное замешательство. Алые губы Цзянь Янь чуть приоткрылись:

— К тому же, раз уж мы с тобой развелись, каждый теперь живет своей жизнью. С каких это пор мне нужно твое разрешение на то, каких заводить друзей, с кем общаться, чем заниматься и кого навещать?

Даже пока мы были в браке, с какой стати ты возомнила себя вправе указывать мне?

Встретившись с ней взглядом, Цзи Юньсинь нахмурилась. Та мягкая, послушная и покорная ее каждому слову Цзянь Янь из ее воспоминаний — с каких пор она стала такой? Настолько острой и язвительной на язык?

Подобная Цзянь Янь казалась ей совершенно чужой.

<http://bllate.org/book/25513/3043423>